

Красочные дикие цветы под голубым небом слепили глаза Мэй Ли. Она села и нежно погладила лепестки маленького голубого цветка своими гибкими кончиками пальцев. Будь она прежней Мэй Ли, она бы сорвала их без колебаний. Теперь она просто не могла этого вынести.

В этот момент мелькнуло несколько белых теней и напугало её. Но когда она пригляделась, то поняла, что это всего лишь семья кроликов, напуганная барабанами и рожками. Хотя они пытались спрятаться в кустах, белый цвет их меха всё равно бросался в глаза. Она подумала, что, может быть, они уже устали бежать, а может быть, они уже почувствовали, что это безопасно, поэтому просто стояли, сбившись в кучу.

Очень быстро раздался стук лошадиных копыт, что немного удивило Мэй Ли. Затем она услышала звук извлечения стрел из колчана. Кролики почувствовали опасность и снова начали убегать. Но маленький крольчонок споткнулся о ветку. Мать-крольчиха, пробежавшая несколько шагов, остановилась и вернулась, чтобы охранять крольчонка, как будто хотела помочь ему убежать.

Мэй Ли почувствовала, как у неё заболел нос, слёзы покатались по лицу прямо вниз. Когда она была несчастна в холодном дворце, как ей хотелось, чтобы перед ней была кто-то вроде крольчихи. Как бы ей хотелось, чтобы её родители были рядом и делали то же самое для неё.

Может, она и сошла с ума, но поведение мамы-крольчихи вызвало сильнейшую тоску в её сердце. Она вдруг бросилась и помогла маленькому кролику прорваться сквозь ветки, не обращая внимания на опасность.

— Ты хочешь умереть?! — резкий крик прибыл вместе со стрелой.

Мэй Ли только почувствовала острую боль в руке. Но когда она увидела два маленьких шарика белых теней, быстро исчезающих в кустах, она вздохнула с облегчением. К счастью, стрела не попала в неё. Она только оцарапала её руку.

Цзинсюань в гневе прыгнул с лошади. Он крепко держал лук, думая, что эта женщина совсем не изменилась. У неё ещё так много идей в рукаве, чтобы привлечь его внимание. Этим горьким трюком лишь злоупотребляют!

— Знаешь, это бесполезно! — он усмехнулся Мэй Ли, которая сидела на земле, положив голову между коленями. — Даже если я искалечу тебя до инвалидности, это бесполезно. У меня не было бы никакой вины, потому что это ты заигрываешь со смертью!

Если бы у него не было хороших рефлексов, чтобы изменить направление в последнюю секунду, она бы действительно сильно пострадала.

Она опустила голову, когда наконец почувствовала боль в руке. Мэй Ли ясно слышала каждое его слово и знала, что он прав.

Она вежливо кивнула и показала, что поняла его предупреждение. Она действительно была слишком безрассудной. А с её многочисленными проделками в прошлом тоже было бесполезно объяснять, что же произошло на самом деле. Поэтому она позволила ему думать то, что он думал. Он имел обыкновение так резко спрашивать её, понимает ли она его предупреждения. Тогда она действительно отказывалась признавать это, но теперь она это делает.

Он некоторое время смотрел на неё и холодно фыркал, прежде чем повернуться, чтобы уйти.

— Цзинсюань, Цзинсюань!

Пришёл взволнованный молодой человек.

Цзинсюань сел на своего коня и холодно сказал:

— Кто-то умер?! Почему ты такой громкий?

— Вы должны пойти и посмотреть. Суин упала с лошади и зовёт вас!

Ноги Цзинсюаня вцепились в живот лошади и нетерпеливо повернули её.

— Действительно, нет мне покоя!

Он ударил лошадь луком по спине, и вместе с юношей они быстро побежали.

Мэй Ли посмотрела на полевые цветы, растоптанные их лошадьми, и ей стало немного грустно.

Когда, наконец, вокруг никого не было, она осторожно одёрнула рукав, увидев уже свернувшуюся кровь, а область ранения опухла и покрылась волдырями. Она встала, покачиваясь. Травма заживёт. Пока она выпускает кровь на волдыри, всё будет в порядке.

Когда она пошла обратно в лагерь, она спросила евнуха об устроенной для неё палатке. Её отвели к той, что была рядом с Лао Цзузун, и она была устроена очень тщательно, размещена на очень хорошей местности.

Но она также поняла, что соседняя палатка принадлежит Суин. Возле её палатки было привязано несколько коней, очень похожих на её. Занавески на дверях были открыты, и изнутри доносился тихий крик, и успокаивающий его другой голос.

Хотя она ничего не могла видеть и слышать должным образом, она знала этот голос...

Мэй Ли прикусила нижнюю губу, зная, что когда-то жаждала такого успокаивающего утешения от него. Она не могла слушать больше. Тон мужчины наполовину уговаривал, наполовину убеждал.

Но чем больше она слушала, успокаивающий голос совсем не приносил ей никакого утешения.

Юнхэ вышел из палатки с имперским врачом. Его лоб был покрыт тонким слоем пота, он поднял руку и небрежно вытер его рукавом. Он подумал, что эта девушка Суин действительно из тех, кто может бросать людей, и Цзинсюаню, вероятно, придётся нелегко, когда он женится на ней в будущем. Она только содрала тонкий слой кожи на ноге, а её слёз хватило бы на полбанки.

Лао Цзузун так испугалась, что попросила его найти для неё всех имперских врачей.

Непреднамеренно он увидел Мэй Ли, стоящую в изумлении у входа в палатку напротив него, её лицо было бледным. Увидев, как он смотрит, она улыбнулась. Затем он понял, что её губы тоже были белыми!

— Вы в порядке? — он подошёл ближе и внимательно посмотрел на неё. Цвет её лица выглядел плохо. — Здесь, кстати, доктор, пусть тебя проверят.

«Кстати?»

Она покачала головой и улыбнулась.

— Незачем. Я в порядке.

Она повернулась, чтобы поднять занавеску и войти в палатку, обнажая рану за ухом, ослепляющую ярко-красной кровью.

— Подождите!

Он хотел остановить её, но она уже без оглядки вошла в свою палатку.

— Что случилось?

Цзинсюань, который только что вышел из палатки Суин, увидел, как Юнхэ нахмурился. У него всё ещё была поднята рука.

— Принцесса Мэй Ли ранена. Я хочу, чтобы императорский доктор тоже её проверил.

Он просто не мог понять, почему она отказалась.

— Пострадала? — Цзинсюань нахмурился. Она была ранена его стрелами? Он сделал знак императорскому врачу и сказал. — Иди и посмотри.

Императорский врач поклонился его приказу и закричал снаружи палатки Мэй Ли:

— Принцесса Мэй Ли, позвольте этому старому слуге [1] войти и обработать вашу рану.

Внутри палатки Мэй Ли держала свою серебряную заколку над свечой. Это просто разрезание волдырей. Зачем поднимать шум и заставлять людей смеяться над ней? На что она ответила:

— Не надо. Пожалуйста, вернитесь.

Она подняла рукав и увидела кровавые волдыри прямо под старыми шрамами от ожогов. Раны все вместе составляли уродливое зрелище.

Внезапно дверная занавеска распахнулась, напугав её. Её руки дрожали, делая широкий небрежный порез. Кровяные волдыри лопнули, кровь стекала по юбке. Она быстро опустила рукав, приклеивая ткань к ране, вызывая себе сильную боль.

Цзинсюань и Юнхэ ввели императорского врача внутрь. Будучи первым, кто вошёл внутрь, Цзинсюань увидел её испуганные движения и подумал, что на этот раз она, возможно, действовала реалистично. Он действительно не мог сказать о её намерениях. Кровь уже пролилась из её шелкового атласа, и если это один из её трюков, она заплатила достаточно денег за реквизит.

— Иди и проверь. — он взглянул на её мёртвенно-белое лицо и приказал.

Императорский врач сгорбился с аптечкой, не зная, где её лечить.

— За ухом её поцарапала сломанная тетива. — тепло сказал Юнхэ.

— Нет! На левой руке! — Цзинсюань поджал губы.

— Левая рука? — в замешательстве спросил Юнхэ.

Доктор немного поколебался и потянул Мэй Ли за левую руку. Старик увидел пятна крови,

перевёл дух и осторожно поднял рукав.

Мэй Ли сжала руки не из-за боли... но она не хотела никому показывать такой постыдный шрам.

Императорский врач подумал, что она смущена, и неловко посмотрел на мужчин.

— Проверь раны.

Мэй Ли прикусила нижнюю губу. Он ненавидел её. Он никогда не любил её даже до того, как у неё появился шрам. Так какая разница? Натянув улыбку, она мягко кивнула доктору.

Когда её рукав был поднят, все внутри бессознательно вздохнули.

Их внимание было приковано не к новой ране, а к шраму размером с чайную чашку [2] на её нефритово-белых руках. Её кожа и плоть вокруг неё были искривлены, сине-зелёные вены обнажились, а в шраме было несколько чёрных оттенков.

Мэй Ли вздрогнула. В конце концов, то уродство, которое она меньше всего хотела видеть, теперь было обнажено. Но потом она поняла, что теперь ей было всё равно, что красиво, а что безобразно.

Царский врач обработал свежую рану, тщательно перевязав её.

— Принцесса, эта рана — это ожог?

— Мг. — Мэй Ли легко ответила.

— Какой имперский доктор лечил тебя? — императорский врач жаловался. — Угольная зола не была тщательно очищена! Это...

Почувствовав, что он говорит слишком много, имперский доктор закрыл рот.

Мэй Ли улыбнулась и сказала:

— Я убрала это сама, и я никого не виню.

После того, как её рана была перевязана, она опустила рукав. Затем она встала и вывела их:

— Спасибо вам обоим.

Цзинсюань молча посмотрел на неё.

Юнхэ был немного смущён и неловко улыбнулся.

— Это ничто.... Не беда, вообще.

Мэй Ли достала из сумочки пару серебряных монет и вежливо сунула их старому доктору. Наконец-то она слишком хорошо поняла это правило. Потому что врачей, которых она не смогла наградить в холодном дворце, стало очень трудно вызвать в следующий раз, когда она заболела.

Поскольку это обычная практика, старый врач не отказался. Поблагодарив, он принял награду и удалился.

Мэй Ли посмотрела на Цзинсюаня и Юнхэ, которые всё ещё стояли в её палатке. Она улыбнулась, но ничего не сказала.

Юнхэ понял, что она имела в виду, и сказал:

— Тогда мы тоже уйдём, чтобы вы могли хорошо отдохнуть.

Он уже был готов поднять занавеску, но Цзинсюань двинулся быстрее него и вышел первым.

[1] 老 (лаочэнь) старый раб / министр / чиновник.

[2] 茶碗 (чаван) чаша, используемая для приготовления и питья чая. Она больше, чем чайная чашка, которая называется 盖碗 (гайвань), так что да, ожог Мэй Ли большой.

<http://tl.rulate.ru/book/76998/2325739>